

И.Е.Рыбалкин

О моих чилийских друзьях-товарищах

Следующий из «когорты коммунистов-интеллектуалов» — моих друзей — **Орландо Мильяс**. Мы познакомились, думаю, на съезде РСCh в 1965 г.

Орландо родился 14 декабря 1918 г. в Сантьяго. Поступил на факультет права Чилийского университета, однако не окончил его и работал до 1943 г. в Генеральном контрольном управлении республики. Но с конца 1930-х годов занялся журналистикой и сделал в этой области впечатляющую карьеру. В 1937—1938 гг. был директором ежедневной газеты «Claridad», а потом зарубежным корреспондентом газеты «Extra». При правительстве Народного фронта и правлении президента Агирре Серды в 1938—1941 гг. примкнул к Социалистической партии и стал Генеральным секретарем Федерации социалистической молодежи. А в годы правления следующего президента Хуана Антонио Риоса (1942—1946) входил в состав значительной группы деятелей РСCh («неконформисты»), возражавших против участия партии в правительстве и сотрудничества с центристами, а также склонявшихся к переходу на «более классовые» позиции и создавших отдельную Социалистическую партию трудящихся. Многие из участников этой группы, включая Орландо, вступили потом в РСCh.

В 1942—1945 гг. Мильяс стал работать в «El Siglo». В 1946—1947 гг. по приглашению боливийского правительства писал хроники об этой стране. Затем был корреспондентом «El Siglo» во Франции, Чехословакии, Австрии и Италии. В 1952 г. он возглавил эту газету. В тот период Мильяс впервые посетил СССР. В 1961 г. в Москве родилась его младшая дочь Адриана, а в 1952 г. он участвовал в международной экономической конференции в нашей столице. В течение десяти лет входил в состав ЦК РСCh и его Политической комиссии.

С 1961 г. Орландо избирался в парламент, накопил богатый опыт работы в комиссиях палаты депутатов — международной, по конституции, законодательству и юстиции, был председателем комиссии по жилищному и городскому строительству, первым заместителем председателя палаты. В июне 1970 г. Орландо был назначен министром финансов в правительстве Сальвадора Альенде и оставался на этом посту до переворота 11 сентября 1973 г., исполнял обязанности министра экономики с конца 1972 г. до начала июля 1973 г.

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2013, № 3.

В конце 1970 г. Орландо был направлен руководством РССч в Москву вместе с членом Политкомиссии ЦК РССч, видным экономистом Хосе Кадемартори для информирования ЦК КПСС о положении в Чили и политике кабинета Альенде. Оба они были приняты Л.И.Брежневым в его загородной резиденции в Завидово. Мне довелось сопровождать их, они, в частности, высказали просьбу о предоставлении правительству Народного единства займа в долларах. Это просьба была потом удовлетворена.

Орландо вспоминал, какие проблемы ему приходилось решать на министерском посту. Как-то в 1972 г. он должен был отдать распоряжение о реквизиции крупной текстильной фабрики, принадлежавшей другу Альенде. Орландо решил предварительно оповестить об этом президента и хорошо запомнил его ответ: «Зачем Вы меня специально уведомляете? Я понимаю, что речь идет о важном предприятии, и Вы решили, что я должен об этом знать. Но если у Вас появилось какое-то сомнение, и Вы думаете, что я заступлюсь за своего друга, мне больно за ваше возможное сомнение. Вы знаете, что друзья Сальвадора Альенде должны понять, что эта дружба не предполагает привилегий или какого-то особого права. Я поддерживаю эту меру, как и другие, принятые Вами»¹.

9 сентября 1973 г. делегация РССч в составе Л.Корвалана, В.Диаса и О.Мильяса в последний раз встретилась с Альенде в его резиденции на улице Томаса Морю. Президент заявил, что грядет государственный переворот, и предложил в качестве выхода из сложившейся ситуации принять конституционную реформу, выдвинутую оппозиционным парламентским большинством и отвергнутую Народным единством, с целью преодолеть расхождение между исполнительной и законодательной властями. Для этого провести референдум. Если он его проиграет, то покинет свой пост. Делегация РССч полностью согласилась с предложенной стратегией.

10 сентября Орландо принял участие в заседании Политкомиссии ЦК РССч. Уже было ясно, что переворот надвигается. В своем выступлении Корвалан признал, что созданные партией паравоенные формирования и тысячи коммунистов откликнутся на призыв к фронтальной борьбе, но она будет проиграна. Все взявшие слово согласились, что надо выждать развития событий и готовиться к организованному отходу. Иного мнения была Гладис Марин, но она промолчала. В своих воспоминаниях, спустя годы, Гладис объясняла: мы говорили, что будем защищать правительство Альенде, а тут речь зашла об отходе, и поэтому я промолчала. После заседания Политкомиссии состоялось заседание ЦК партии, на котором Орландо сделал доклад о положении в стране и о решениях Политкомиссии, которые были одобрены. ЦК был также проинформирован, что Кадемартори, тогда министр экономики, вручил Альенде письменный ответ компартии о согласии с его предложением о политическом разрешении конфликта с законодательной властью, включая проведение плебисцита. Как вспоминала Гладис, опять обнаружились расхождения между решением большинства Политкомиссии и ее позицией: не вести переговоры и искать политического решения, не выжидать, а делать упор на «более активную» защиту. С годами эти расхождения, особенно с Орландо, входившим в группу наиболее опытных политических деятелей в руководстве РССч, обострились.

Утром 11 сентября Политкомиссия ЦК собралась снова. По существу это было первое подпольное заседание, Гладис в нем не участвовала. При-

няли три решения: не призывать к вооруженному или «более активному» сопротивлению перевороту; занять позицию «организованного отхода»; сформировать особый состав руководства партии во главе с заместителем генерального секретаря Виктором Диасом без участия, по соображениям безопасности, наиболее известных руководителей, в том числе Корвалана. По воспоминаниям Орландо, члены Политкомиссии единодушно одобрили эти меры.

Слева направо: министр внутренних дел К.Пратс, С.Альенде и министр финансов О.Мильяс, 1973 г.

После переворота Орландо по решению партии вместе с Гладис и сенатором от РССч Хульетой Кампусано укрылся в посольстве Нидерландов. Это оказалось возможным благодаря помощи вовсе не коммуниста — дяди входившего в руководство партии Хорхе Инсунсы, согласившегося предоставить для этой операции свой дом, расположенный по соседству с посольством. Через несколько месяцев в 1974 г. власти дали им всем разрешение на выезд в Амстердам. Позднее в том же году Орландо вместе с женой Амалией Адрианой прибыл в Москву как политэмигрант. Он стал работать в загранбюро РССч, будучи его полноправным членом, часто выезжал за границу на мероприятия по солидарности с Чили. Я иногда пользовался этим и обращался к нему с просьбой приобрести что-то на мою валюту, оставшуюся от командировок. У меня до сих пор работает портативный магнитофон-приемник «Филипс», привезенный Орландо из Голландии.

Как упоминалось выше, зарубежное руководство партии одобрило предложение кубинцев о военной подготовке молодых чилийцев-коммунистов на Кубе. Руководство партии в стране не возражало. Мильяс не соглашался с «повстанческой стратегией» РССч, однако молчаливо поддержал эту меру ради противодействия установленной в Чили тирании.

На XV съезде РССч в 1989 г. высказывались критические замечания в адрес загранбюро партии в Москве, в том числе Мильяса, в связи с неподготовленностью условий для возвращения членов Политкомиссии ЦК в Чили. Некоторые исследователи подпольной деятельности РССч объясняют это расхождениями между внутренним руководством во главе с Гладис с 1978 г. и отдельными членами зарубежного руководства, особенно Мильясом, относительно содержания нового курса партии на народное восстание.

В июле 1974 г. я встретился с Орландо на Общеввропейской конференции солидарности с Чили, организованной французской соцпартией в Париже. В 1976 г. он участвовал в семинаре, проводимом голландскими университетами в Международном институте социальных исследований в Гааге, куда были приглашены представители партий Народного единства и PDC Чили для критического анализа опыта правительства Альенде. В 1977 г. Социнтерн провел под председательством Вилли Брандта встречу

партий Народного единства в Роттердаме. От РССч там были В.Тейтельбойм и О.Мильяс.

В марте-апреле 1987 г. Орландо беседовал в Москве с прибывшим из Чили «Эктором» (Никасио Фариасом), возглавлявшим внутреннее руководство партии в Чили. От него он впервые услышал выражение, которое постепенно восприняла и провозгласила РССч в 1980 г., — «массовое народное восстание». Ему показалось, что это отражало настроение среди членов партии в стране.

Как видим, Орландо действовал очень активно, опираясь на свой богатый интеллектуальный и политический багаж. В 1980-х годах он вместе с Луисом Валенте, до переворота сенатором от РССч, находившимся в изгнании в Италии, участвовал в информационной встрече с руководством итальянской компартии, делегацию которой возглавлял Джанкарло Пайетта. Хотя тот признавал величие выдающегося латиноамериканского лидера Фиделя Кастро, но еще большее значение придавал «чилийскому эксперименту» Альенде с его победой невооруженным путем как нечто новому и многообещающему. Друг Пайетты Габриэль Вальдес из чилийской РДС настраивал его против Фиделя, поощрявшего партизанское движение на континенте, и против РССч с ее линией на народное восстание. Сообщая внутреннему руководству о встрече в Италии, Орландо не упомянул о высказываниях Пайетты, чтобы, как он впоследствии вспоминал, «не обострить в тот момент свои расхождения с большинством моих товарищей из Политкомиссии»².

Здесь стоит сказать о впечатлениях Орландо об условиях жизни советских граждан при Брежневе. Их он назвал «раздражающими» и добавил: «...Мы не соглашались признать, что Жан Поль Сартр был прав, когда с большой горечью, прочитав «Раковый корпус» Солженицына, утверждал, что то был мир, у которого от социалистического осталось только название. Мы пытались объяснить необъяснимое»³. Вместе с тем, по его словам, они видели великодушные советской молодежи, которая, «возвышаясь над повседневными неурядицами, создавала отряды добровольцев с названиями «Сальвадор Альенде», «Пабло Неруда», «Виктор Хара» или «Венсеремос»... выполнявшие нелегкую работу в дни учебных каникул или рабочего отпуска и до последней копейки вкладывавшие заработанные деньги в дело солидарности с народом Чили»⁴.

Завершив свою деятельность в загранбюро РССч в Москве, Орландо Мильяс не отправился, как другие руководители, в Чили, а предпочел Голландию. Там он и скончался 26 декабря 1991 г. Свой замечательный талант журналиста и политика он отдал написанию глубоких исследований — «От О'Хиггинса до Альенде», изданного в 1987 г.; «Антимилитарист Диего Порталес», вышедшего в 1990 г., о выдающемся государственном деятеле Чили первой половины XIX в., импонировавшем Орландо неприятием, свойственным и ему самому, вооруженных методов борьбы и насилия, и, наконец, интереснейших мемуаров о 1932—1991 гг. с размышлениями о происходивших тогда событиях.

Я «охотился» за этими мемуарами, но они мне не попадались. Как я уже писал, вдова Родриго Рохаса в 2012 г. подарила мне два тома, охватывающие 1932—1947 и 1957—1991 гг. Она сообщила, что рукопись о промежу-

точном периоде (1947—1957 гг.) находится у живущего в Роттердаме сына Орландо Карлоса, и тот собирается издать недостающий том.

Теперь еще об одном представителе «интеллектуальной элиты» РССч — **Хосе Кадемартори**. Я познакомился с ним в 1959 г., когда он приехал в Москву в марте на трехмесячный курс по изучению «Капитала» К.Маркса. Тогда я обратил внимание, что в столовой Высшей партийной школы перед женщинами-официантками он появлялся со снятым обручальным кольцом, вероятно, желая изображать неженатого.

Хосе родился в 1930 г. в городе Ла-Серена, в семье итальянского иммигранта, переселившегося в Чили в 1900 г. Отец был мелким промышленником, занимавшимся производством газированных напитков и вермишели, а мать была акушеркой. У них было четверо детей, Хосе — вторым по старшинству. В 1948 г. он поступил на экономический факультет Чилийского университета. После президентских выборов 1952 г., на которых впервые голосовал, ему предложили работать помощником министра финансов. В то время благодаря своей сокурснице и подруге Ксении, состоявшей в ячейке РССч, Хосе начал дружить с коммунистами.

Группа прогрессивно настроенных студентов факультета, с которой контактировал Хосе, находилась под влиянием социалиста Клодомиро Альмейды. Когда тот возглавил недавно созданное министерство горнодобывающей промышленности, то попросил Хосе быть его помощником. Кадемартори увлекся политикой через интерес к экономике. Под влиянием латиноамериканских студентов, придерживавшихся марксистских взглядов, стал читать произведения Маркса, Ленина и особенно Сталина — его доклады о пятилетних планах и индустриализации в СССР. Это произошло в год смерти вождя. Чтение этих произведений позволило избавиться от антисоветских и антикоммунистических предрассудков. В январе 1954 г. Хосе женился на Ксении, а в марте вступил в РССч.

Надо сказать, что тогда в Чили действовал так называемый «проклятый закон», объявлявший деятельность компартии нелегальной. Для Хосе это было вызовом, ставило под угрозу его положение: он ожидал рождения дочери, имел стабильную, хорошо оплачиваемую и интересную работу. А его ждало участие в партийной нелегальной ячейке, которую, как нынче говорят, «курировал» Луис Корвалан. Но он вместе с друзьями принялся изучать «Капитал», по его воспоминаниям, громоздкую книгу, которую листал и не понимал смысла. Она тогда казалась ему мало связанной с повседневной жизнью. По партийной линии Хосе стали привлекать как консультанта по экономическим темам для подготовки документов. Накануне подпольного съезда РССч в 1956 г. потребовалось его участие в анализе ситуации в стране, разработке программных предложений.

После парламентских выборов 1957 г. руководство РССч предложило Хосе через Корвалана выдвинуть, не раскрывая свою принадлежность к компартии, его кандидатуру от маленькой Партии труда с согласия лидера последней. Избранный депутатом, он вступил в контакт с Альенде для парламентской работы и был приглашен к нему домой накануне провозглашения того кандидатом в президенты на выборах 1958 г. Депутатская дея-

тельность полностью поглотила Кадемартори и превратилась в часть его партийных задач. Он стал партийным функционером. Партия установила ему зарплату, которой хватало на скромную жизнь. У него уже было двое детей, а Ксения к тому же училась. Хосе ездил по провинциям для передачи политических докладов и заданий местным парторганизациям. Принял участие в одном из последних подпольных заседаний ЦК. В то время депутаты пользовались бесплатным проездом по железной дороге и на самолетах национальной авиакомпании по стране. Это позволяло доставлять пакеты с политическими брошюрами, марки об уплате членских взносов в дальние уголки Чили. Так он побывал во многих городах и поселках в горах и у моря. Кадемартори оставался депутатом парламента 16 лет до середины 1973 г., когда стал министром экономики в правительстве Альенде.

В 1958 г. его избрали кандидатом в члены ЦК. «Проклятый закон» был отменен, и съезд компартии проходил в Зале почета Национального конгресса. На следующем съезде, спустя четыре года, Хосе избрали членом ЦК. В составе ЦК он состоял 50 лет, а в начале 1960-х годов вошел в Политкомиссию ЦК, сначала кандидатом в члены, а потом полноправным членом вплоть до назначения министром в 1973 г.

В конце сентября 1959 г. Кадемартори отправился с делегацией РСCh, которую возглавлял заместитель генсека партии Хосе Гонсалес, в Китай на празднование 10-й годовщины КНР. Это была его первая поездка в эту страну и первый столь далекий выезд из Чили. Китайцы пригласили тогда три десятка делегаций из многих стран во главе с видными деятелями международного коммунистического движения. Программа предусматривала 30-дневное пребывание с поездками по стране и встречами с китайскими руководителями — Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Джу Дэ, Дэн Сяопином, Пэн Дэхуайем. Состоялась и встреча делегатов компартий с Мао, которая длилась более трех часов. Наиболее примечательные его высказывания касались международного положения. Он часто употреблял известное выражение «бумажный тигр» в отношении империалистов и отстаивал тезис, что Китаю неважно, сбросят ли США на него атомную бомбу: даже если погибнут 300 млн китайцев, останутся еще 300 млн, которые смогут разгромить «бумажного тигра». В целом у Кадемартори осталось позитивное впечатление от первой поездки в «Поднебесную».

За долгие годы работы в парламенте у Хосе установились близкие рабочие отношения с Альенде — тот был сенатором. Они сотрудничали также в ходе избирательных президентских кампаний. Говорили, что Альенде после победы на выборах 1970 г. хотел назначить Хосе министром финансов, но это было невозможно, поскольку в этом случае компартия теряла одно место в парламенте. Он продолжал выполнять партийные поручения. Среди них — уже упоминавшаяся поездка в Москву для переговоров с Л.И.Брежневым. Во время визита в Чили Фиделя Кастро в ноябре-декабре 1971 г. Альенде пригласил Хосе отобедать с команданте и другими деятелями, чтобы обсудить экономические проблемы. Кадемартори также сопровождал Корвалана на встречах с Альенде в случае срочных консультаций и обсуждения важных тем.

... Накануне переворота Хосе вернулся домой поздно, как обычно, после посещения предприятий и городских поселков. Ему позвонил Хадресич, декан медицинского факультета, и сообщил о движении войск от Лос-

Андеса к Сантьяго. Хосе передал эту информацию в президентский дворец и лег спать, хотя и предчувствовал, что грядет переворот. Утром 11-го сентября, часов в восемь, информация о мятежных выступлениях подтвердилась. Хосе отправился в свое министерство и там обсудил ситуацию с группой доверенных лиц. Надо было принять меры для перехода на подпольное положение: изменение документов личности, поиск убежища. Но Хосе схватили карabinеры, отвели в казарму, а оттуда в наручниках доставили в министерство обороны, подняли на лифте на 6-й этаж, и тут появился знавший его генерал Брэди, назначенный Пиночетом командующим гарнизоном Сантьяго. Генерал сказал: «... направляетесь в Военное училище, где содержатся задержанные министры». На следующий день вместе с другими задержанными Хосе отправили самолетом на остров Досон в

Хосе Кадемартори в «Литвиновке»*

Магеллановом проливе, где был устроен концлагерь... Шло время, под воздействием всемирной кампании солидарности узников Досона стали постепенно освобождать или переводить в другие места заключения. В ноябре 1976 г. вместе с Корваланом и другими Хосе оказался одним из последних таких узников. Всего он провел за решеткой три года и три месяца. Из концлагеря «Трес Аламос» в наручниках на самолете Хосе насильно отправили в Венесуэлу. Там он встретился с дочерью Яниной, ранее высланной в Колумбию, а также с Ксенией и младшим сыном Андресом. Другой сын Ян не захотел уезжать из Чили и остался на родине.

В Венесуэле Хосе был одним из 5 тыс. чилийцев, прибывших туда после переворота. С товарищами по партии он стал восстанавливать свою организацию, и был создан Координационный комитет, объединивший более 200 партийцев с партбилетами, регулярной оплатой взносов и активной работой среди изгнанников, в их числе — ряд политических руководителей оппозиции диктатуре.

В августе 1977 г. Кадемартори приезжал в Москву на первый пленум ЦК РСCh с участием всех оставшихся в живых его членов. Как вспоминал Хосе, на пленуме, проходившем в духе самокритики, было решено начать возвращение в Чили; получила одобрение уже начавшаяся на Кубе подготовка из чилийских коммунистов профессиональных военных и намерение постепенно перебазировать руководство партии внутрь страны.

*«Литвиновка» — бывшая казенная дача наркома иностранных дел СССР Литвинова в подмосковном поселке Куркино, где разместили группу слушателей ВПШ при ЦК КПСС из компартий Латинской Америки.

После Венесуэлы Кадемартори как представитель партии был направлен в Гавану, где пробыл на протяжении 1983 г. Он, в частности, много беседовал с проходящими там военную подготовку чилийскими коммунистами. Некоторые из них прибыли из Чили и имели опыт участия в вооруженных операциях. Хосе тогда сделал вывод, что эти люди лучше понимали ситуацию в стране, чем молодые чилийцы за рубежом. При нем тайком в Чили отправилась группа бойцов, возглавлявшаяся Раулем Пеллегриним Фридманом. Ей устроили волнующие проводы с участием представителей руководства (Соррильи, Монтеса и самого Хосе). Три года спустя этот 25-летний Пеллегрин был в числе тех, кто руководил в Чили операцией по ввозу доставленного морем с Кубы оружия в местечко Каррисаль-Бахо и покушением на Пиночета близ Сантьяго, когда тот возвращался на машине из загородной резиденции. Правда, в 1987 г. Пеллегрин возглавил группу военных, порвавших связь с компартией, а в октябре 1988 г. был убит в стычке с карабинерами.

После Кубы Кадемартори был направлен в ГДР, в Лейпциг, и там с 1984 до 1988 г. работал в исследовательском центре, руководимом известным латиноамериканистом профессором Манфредом Косоком. Кроме того, Хосе вел передачи о событиях в Чили на международном берлинском радио.

Между тем в Чили происходило ослабление диктаторского режима. Поэтому Хосе перебрался на несколько месяцев в Буэнос-Айрес в ожидании возможности въехать на родину по согласованию с внутренним руководством партии. Как только декрет о запрете возвращения в сентябре 1988 г. был отменен, он вернулся в Чили. Это было накануне плебисцита о продлении правления Пиночета. Многие из коммунистов, с которыми Кадемартори встречался после изгнания, не верили в победу «НЕТ» на плебисците, хотя он сам чувствовал, что победит «НЕТ», и новый переворот Пиночета невозможен. Хосе возобновил партийную работу, стал помогать в деятельности ЦК РСЧ, участвовал во всевозможных беседах и форумах, регулярно писал статьи на политические и экономические темы в издающийся в Испании электронный журнал «Rebelión», в 1993 г. вместе с тогдашним генсеком В.Тейтельбоймом по приглашению КПК совершил вторую после 34-летнего перерыва поездку в Китай, в начале 2000-х годов возглавлял Научный институт имени Александра Липшутца (известного чилийского ученого — медика, физиолога, антрополога и философа родом из Латвии, прибывшего в Чили в 1926 г., сотрудничавшего до пиночетовского переворота с компартией и скончавшегося в 1980 г. в возрасте 97 лет), издал две своих серьезных работы — «Чили: неолиберальная модель» (2001) и «Глобализация под вопросом» (2004). Одним словом, активности моего давнего друга можно только позавидовать. Дай Бог ему здоровья!

17 октября 2012 г. во время встречи в Сантьяго с моими чилийскими друзьями-товарищами мне доставило удовольствие присутствие Хосе Кадемартори, с которым мы, польсевший я и поседевший он, выпили хорошего вина, закусив традиционными чилийскими пирожками («эмпанадас»).

Далее хочу поделиться воспоминаниями еще об одном чилийском другом-коммунисте, ставшем руководящим деятелем партии, — **Хорхе Инсунсе**.

Должен признаться, что память не сохранила, когда мы познакомились, хотя во время моих первых поездок в Чили в 1962 и 1965 гг. он уже играл заметную роль в РСCh. Правда, помню, что он был среди встречавших делегацию КПСС на съезде РСCh в 1969 г. Только после переворота 1973 г. и приезда Хорхе в вынужденную иммиграцию в ГДР, а потом во Францию наше общение сделалось более или менее регулярным, поскольку он довольно часто появлялся в Москве для обсуждения чилийских дел с действовавшим здесь загранбюро РСCh. Как мог, я следил за его участием в пленумах ЦК РСCh, проходивших в Москве в 1977 г., в ГДР в 1981 г. и в Праге в 1985 г.

Хорхе родился 21 апреля 1936 г. в 750 км к югу от Сантьяго, в курортном городе Вильярика, на берегу одноименного озера и на склонах вулкана с горнолыжными трассами. В 90-х годах мне довелось там побывать и оценить красоту тамошней природы. Тут во второй половине XIX в. стали селиться иммигранты из Швейцарии, Германии и Австрии. Подразумеваю, что мать Хорхе по фамилии Беккер была из потомков этих переселенцев.

Хорхе в 1962 г. окончил Чилийский университет, получив звание гражданского инженера. Не без удивления я узнал, что его дипломная работа была посвящена наполнителям асфальтового покрытия дорог. Зная целеустремленность Хорхе, думаю, что он стал бы толковым инженером, но из него получился видный политик и к тому же коммунист. Уже в университете он накапливал опыт общественной и политической деятельности. В 1955—1959 гг. был руководителем центра студентов инженерного факультета, секретарем руководства студентов-коммунистов, входил в состав исполкома Федерации студентов Чили. В 1962—1965 гг. Хорхе работал как инженер-механик в Институте исследования и опробования материалов Чилийского университета и в то же время был руководителем ассоциации его служащих.

В 1955 г. вступил в Союз коммунистической молодежи, а затем в компартию. В 1962 г. избран в ее ЦК, а в 1965 г. стал членом Политкомиссии. Участвовал в съездах РСCh. Представляя Федерацию студентов, комсомол и партию, ездил в СССР, Европу, Африку и Южную Америку. В 1969 г. Хорхе был избран депутатом парламента, входил в состав нескольких его комиссий, в том числе по международным делам. В 1970 г. отвечал за пропаганду в ходе президентской избирательной кампании Сальвадора Альенде. В 1973 г. был переизбран в палату депутатов, но военный переворот 11 сентября прервал его парламентскую карьеру.

После переворота в 1973—1975 гг. Хорхе состоял в подпольном руководстве РСCh. В 1975 г. по решению руководства РСCh, хотя он изъявлял желание остаться в стране на подпольной работе, выехал по французскому паспорту в Аргентину. Как уточнил мне недавно сам Хорхе, паспорт для него был прислан из Москвы, товарищи из внутреннего руководства по ошибке положили в его документы талон и на выезд, уведомление о котором отправляется в пограничную охрану, и талон на въезд, что нарушало порядок и вызвало вопросы у пограничника. Однако Инсунса, искусно притворяясь французом и говоря по-французски, делал вид, что не понимает, в чем проблема, и тогда пограничник положил талон на въезд в карман и дал ему разрешение на выезд. Из Аргентины Хорхе отправился в Европу, где в 1975—1980 гг. отвечал за координацию деятельности РСCh в ГДР, а в 1981—1983 гг. — во Франции.

Хорхе Инсунса

В те годы мне доставляло удовольствие общаться с Хорхе во время его довольно частых приездов в Москву. Иногда я злоупотреблял его расположением и просил о каких-то одолжениях. У меня до сих пор хранится привезенная им из Франции машинка для печатания на пластмассовой клейкой ленте русскими буквами текста, который я наклеивал на переплетенные сборники произведений из наших «толстых» журналов.

В августе 1977 г. на меня произвело впечатление выступление Хорхе на пленуме ЦК РССЧ на кунцевской даче Сталина, в котором он специально остановился на значении сотрудничества компартии и соцпартии Чили, отметив, что коммунисты играют роль авангарда революционных сил посредством соглашений с

социалистами по вопросу так называемого разделяемого руководства.

В 1984 г. Инсунса нелегально вернулся в Чили и до 1989 г. работал в составе подпольного руководства РССЧ. В январе 1990 г. мы к взаимной радости встретились на отмечаемой тогда уже открыто 68-й годовщине партии на стадионе Санта-Лаура в Сантьяго.

Последующее общение с Хорхе происходило в период моей службы в нашем посольстве в Чили. И началось это с памятного для меня инцидента. В ноябре 1990 г. в Сантьяго прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с председателем Совета национальностей Г.С.Тарасевичем. Во время визита делегации в чилийский конгресс в Вальпараисо на пресс-конференции меня спросили, не считаю ли я, что компартия Чили допускала ошибки в проведении политической линии. Я ответил, что каждая политическая партия не свободна от ошибок, это касается и РССЧ, и она это признает. На следующий день в газетах, в том числе в наиболее влиятельной «*Mercurio*», появились заметки под заголовками: «Советский дипломат говорит, что чилийская компартия совершила ошибки». В посольство пришел отвечающий в руководстве РССЧ за международные связи Инсунса и посоветовал мне дать в газете опровержение. Конечно, я волновался и думал, что коммунисты припомнили мою статью в испанском издании московского журнала «Новое время» в декабре 1987 г. под заголовком «Свет в конце туннеля», в которой я по существу критиковал их позицию по неучастию в плебисците и выборах, писал о возможности победы, ссылаясь на опыт Филиппин. РССЧ же утверждала, что диктатура не позволит этого. Тем не менее я направил в «*Mercurio*» «уточнение», подчеркнув, что сказанное мной было искажено газетой и что по действовавшему тогда законодательству РССЧ просто не могла зарегистрироваться для участия в плебисците. Газета опубликовала мое письмо 20 ноября. Инцидент был исчерпан.

С тех пор и до 2012 г. я с Хорхе не встречался. Вступил с ним в переписку по электронной почте по поводу настоящих воспоминаний и благодарен за оказанную помощь ответами на мои вопросы. Сейчас Хорхе остается членом Политической комиссии ЦК РСCh, по-прежнему занимаясь международными связями. А не так давно я узнал о его выступлении 12 января уже 2012 г. на презентации выпущенного издательством «Каталония» и Латиноамериканским факультетом общественных наук в Сантьяго (ФЛАКСО) сборника статей под названием «Коммунистическая партия Чили. Актуальная история» («Una historia presente»). Отметив целесообразность издания книги, Инсунса обратил внимание на то, что содержащиеся в ней многие утверждения радикально искажают историческую правду, а немалое число продиктовано предрассудками. Он указал, в частности, что в отношениях с другими компартиями РСCh не была пассивным объектом, которым манипулировали из какого-то центра, а являлась субъектом, основывающим свою позицию на собственных точках зрения. И она не придерживалась концепции наличия при социализме единственной партии, признавала право на существование политической оппозиции в рамках законности, исходила из принципа многопартийности для Чили. Партия не возражала против заявления Альенде, что его правительство не намеревается устанавливать диктатуру пролетариата.

Касаясь деятельности РСCh в период борьбы против режима Пиночета, Инсунса отвергал как ошибочные утверждения, что установка партии на массовое народное восстание предполагала систематическое и постепенное введение форм вооруженной борьбы против диктатуры, а также противопоставление этой борьбы неизменно главному в ее действиях — постоянному и растущему, по возможности самому широкому народному движению. Все сделанное партией в военном плане, начиная с памятных дней национального протеста 1983 г., направлялось на социальную мобилизацию и единство действия. РСCh, заключил Инсунса, отстаивала социалистическую перспективу, выступала против соглашательства со сторонниками капиталистического пути. Отказ от социалистической перспективы он назвал «ужасно бездарным»⁵.

В словах Хорхе я вновь почувствовал интеллектуальный потенциал компартии. В моих ушах как бы звучали знакомый голос, размеренная, аргументированная речь с изложением последовательной и принципиальной позиции. Так и хотелось сказать: «Не стареют душой ветераны!».

Мы вновь увиделись с Хорхе в Чили 17 октября 2012 г., когда я во время последней поездки посетил штаб-квартиру РСCh. Он, по существу, председательствовал на встрече, в которой также участвовали директор партийного еженедельника «El Siglo» Фернандо Килодран, член Политкомиссии ЦК РСCh, сын Хорхе Карлос Инсунса Рохас, возглавляющий Комиссию по международным связям, а также Давид Каналес Убеда («Константин» по подпольной кличке в годы борьбы с военной диктатурой).

Наконец, хочется вспомнить и о моем друге, которого, к великому сожалению, уже нет в живых. Речь пойдет о **Мануэле Кантеро**. Это был один из лиде-

Мануэль Кантеро

ров коммунистов, выходец из рабочих, действительный представитель пролетариата, гордившийся своей рабочей профессией.

Не помню, когда мы с ним познакомились. Но я знал и слышал о нем с первых моих контактов в начале 60-х годов с впечатлявшей своей организованностью и растущим тогда влиянием в стране компартией Чили. Наше общение стало регулярным, когда Кантеро после военного переворота 1973 г. прибыл в Европу и стал представлять здесь РССч, часто навещаясь в Москву для обсуждения и решения возникавших проблем с руководителями загранбюро партии.

Мануэль родился в 1925 г. в памятный для нас день 7 ноября в портовом городе Вальпараисо, с которым была тесно связана его последующая жизнь. Юношей он начал трудиться, приобретя профессию строителя. Потом работал на фабрике по производству тары, а затем в типографии. Участвовал в профсоюзном движении. В 1945 г. вступил в Союз коммунистической молодежи, заслужил доверие комсомольцев и спустя менее трех лет при военно-полицейской диктатуре Карлоса Ибаньеса в условиях строгого подполья стал Генеральным секретарем СКМ, действуя под именем Мануэля Гомеса. А в 1960 г. Мануэль связал свою судьбу с РССч, в которой с 1962 г. стал занимать ответственные посты члена ЦК и его Политкомиссии, по поручению партии выезжал в СССР, Венгрию, ГДР, на Кубу, в Италию и Уругвай.

Признанием его опыта и убеждений стало избрание Мануэля депутатом парламента в 1965 г. на четырехлетний срок, в течение которого он активно участвовал в работе различных комиссий: международных отношений, труда и социального законодательства, внутренних дел, национальной обороны, экономики и торговли, входил в состав специальных исследовательских комиссий по торговому флоту (1967 г.), промышленных предприятий — цементного завода «Мелон», продовольственной фабрики «Кароцци» (1969—1970 гг.), где отстаивал права трудящихся. В 1969 г. был переизбран в палату депутатов на период с 1969—1973 гг. и 1973 г. — 1977 г.

Военный переворот 1973 г. не позволил Кантеро легально продолжить деятельность депутата — истинного представителя людей труда. Он перешел на подпольное положение и, хотя изъявлял желание остаться в стране, по решению руководства партии нашел убежище в посольстве Голландии в Сантьяго и был выслан в эту страну, откуда прибыл в Москву для работы в загранбюро РССч. Тут он прожил около трех лет, а затем был направлен в ГДР как представитель партии. Из Берлина нелегально отправился в 1978 г. в Чили, став вместе с прибывшей туда на несколько дней раньше, также тайно, Гладис Марин первыми членами Политкомиссии ЦК в объединившемся внутреннем и внешнем руководстве после ареста и гибели его прежних лидеров в 1976 г.

Последовали десятки лет глубокого подполья, вдали от семьи, с опорой на товарищей, возглавлявших партию. Как вспоминает нынешний председатель РССч Гильермо Тейльер, разделявший с Мануэлем нелегкую судьбу подпольщика, они назло врагам встречались на конспиративны квартирах, чтобы отметить праздники, дни рождения, ощутить поддержку друг друга, сохраняя твердую веру в лучшее будущее. На этих сходках Мануэль, большой любитель танго, после длительных уговоров всегда их исполнял.

А когда партия возобновила легальную деятельность, он внес вклад в демократическое восстановление постпиночетовского Чили. Мануэль Кантеро скончался в 85 лет 20 июня 2010 г., оставив по себе добрую память среди друзей-товарищей, в том числе и у меня.

А теперь речь пойдет еще об одном моем друге. Но это случай особый. Со времени моего знакомства с ним и до его официального возвращения в Чили из эмиграции на исходе правления Пиночета в конце 80-х годов он был коммунистом, а потом порвал с компартией, критически отнесясь к некоторым аспектам ее политики. Этот человек, к которому я по-прежнему питаю теплые чувства, — **Луис Гуаставино**.

Мы познакомились, когда наша партийная делегация во главе с Секретарем ЦК КПСС М.С.Соломенцевым прибыла на XIV съезд РССч в ноябре 1969 г. Гуаставино, будучи членом ЦК своей партии, по поручению руководства встречал нас в аэропорту Сантьяго и сопровождал делегацию. Он выглядел «нестандартным чилийцем» среди обычно ярко выраженных брюнетов-соотечественников. У него была копна соломенных волос и несколько розоватая кожа лица — настоящий альбинос. На своем маленьком «Фиате» он возил меня на конспиративную квартиру на встречу с делегацией еще одной моей «подопечной» компартии — Боливии. Рассказывал про свой родной Вальпараисо, основной порт и второй по величине город страны, раскинувшийся амфитеатром на берегу морского залива и карабкающийся вверх по склонам гор. Говорил, что болеет за местную команду «Вандерерс», в которой играет смуглый и черноволосый футболист, прозванный болельщиками, по контрасту с внешностью Луиса, «Гуаставино».

Луис родился 29 декабря 1931 г. Получил педагогическое образование и с 20 лет преподавал испанский язык в лицеях и колледжах Вальпараисо. В 1961 г. был избран от компартии в городской муниципалитет, а в 1965 г. — депутатом парламента от провинции Вальпараисо и переизбран в 1969 и 1973 гг.

После пиночетовского переворота ему удалось выехать из страны, как утверждали некоторые его недоброжелатели, с чемоданом, наполненным нераспечатанными пачками денег. 32 года спустя, в 2005 г., он опубликовал книгу «Люди, запавшие в душу. Хроника молчаливой солидарности», куда без купюр включил записи, сделанные на клочках бумаги, которые он начал вести с 11 сентября и вел день за днем, о пережитом тогда в течение 54 суток. Так он отдавал должное человеческой солидарности с жертвами мятежников. Речь идет о тысячах людей самого разного положения: друзьях, религиозных деятелях, тех, кто носил военную форму, и других, подставивших плечо, рискуя своей свободой и жизнью. В книге Луис рассказывает, как была арестована его жена Нора за то, что она была замужем за

Луис Гуаставино

ральной конференции ЮНЕСКО в Найроби (Кения).

В те годы Луис довольно часто навещался из Италии в Москву для контактов с загранбюро РССЧ. Мы встречались с ним, как мне кажется, ко взаимному удовольствию. Однажды даже съездили вместе в Загорск и посетили Троице-Сергиеву лавру, крупнейший русский монастырь XIV в., где теперь религиозный центр и музей. Я пользовался расположением Луиса и иногда просил его приобрести на сэкономленные мной от зарубежных поездок доллары издававшиеся в Италии альбомы «Риззоли» с репродукциями произведений выдающихся художников и скульпторов. Благодаря Луису со временем у меня образовалась целая коллекция, наверное, из 30 альбомов.

В конце 1980-х годов у Гуаставино проявляются расхождения по ряду немаловажных аспектов с политической линией КПЧ в отношении путей борьбы с диктатурой Пиночета. Луис высказал свою позицию в письмах, направленных Политкомиссии ЦК партии в сентябре 1987 г., в январе и ноябре 1988 г., а также в феврале 1989 г.

Как писал сам Луис в опубликованной в ноябре 1990 г. книге «Рушатся храмы», которая содержит эти письма и обращение к Национальной конференции РССЧ в мае 1990 г., его конфликты с руководством партии не носят личного характера и не диктуются обидой или злонамеренностью, а являются политическими и идеологическими. Гуаставино обращал внимание на то, что за все эти годы высказывал свое мнение только Политкомиссии, и о них не знали ни члены ЦК, ни тем более рядовые члены партии. Их ни разу не обсуждали. Хотя он был членом ЦК, ему не дали участвовать ни в одном местном или региональном собрании, не пригласили на

противником захвативших власть, о подготовке операции по его выезду из Чили с изготовлением фальшивых документов, изменением его характерной внешности да так, что он не узнавал себя в зеркале. Операции завершилась успешно в конце 1973 г. с помощью женщины, осуществившей контакты, в результате которых Луис оказался в посольстве Финляндии, где ему предоставили убежище. Лишь спустя 15 лет, после того как он оказался сначала в Швеции, а затем в Италии, он вернулся на родину и узнал, что та женщина была монашкой.

Во время изгнания (1974—1987) Луис вел работу, связанную с деятельностью Комиссии по правам человека ООН в Женеве и на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в поддержку антидиктаторской чилийской оппозиции. В 1976 г. как делегат он участвовал в Гене-

Национальную конференцию РССч, для которой попросили составить документ и сказали, что его отвергли, но в отсутствии автора.

Подчеркивая, что полностью разделяет политическую линию партии на массовое народное восстание, Гуаставино отмечал, что главный вопрос для ее осуществления — в совместных действиях оппозиции режиму. Политически это должно выражаться в слиянии, координации, практической договоренности об общих действиях — поскольку полный политический союз оказался невозможным — левых сил и центра в ходе активной антидиктаторской борьбы. Он указал на факторы, затрудняющие осуществление политики массового народного восстания. При этом ссылаясь на утверждение газеты РССч «El Siglo» в июне 1987 г., что технически невозможно, чтобы в избирательные списки записались 3,5 млн чилийцев (а записались 7,435 млн), и почти неизбежен избирательный подлог. Это, по мнению Луиса, означало, что партия не рассчитывала на победу оппозиции.

Гуаставино не говорил мне о своих расхождениях с линией РССч. Может, думал, что я расскажу руководителям загранбюро о его откровениях. Сейчас полагаю, что, если бы он рассказал мне об этом, его позиция нашла бы отклик в моей душе, поскольку, как я уже упоминал, как раз в то время, когда Луис обращался в Политкомиссию ЦК с изложением своей критической позиции, я уже склонялся к мнению о вероятном несоответствии установок РССч на предпочтительно вооруженный путь разрешения реальной ситуации в стране.

Изгнание было долгим. Луис жил в Италии, где продолжал свое теоретическое формирование. А когда настал момент продемонстрировать решимость отстаивать право жить на родине, был одним из первых, кто бросил вызов запрету Пиночета и попытался дважды вступить на национальную территорию, сначала через Пудауэль, аэропорт Сантьяго, а потом через переход Лос-Либертадорес в Андах. И когда стало ясно, что это фундаментальное право не будет за ними признано, Луис нелегально проник в Чили и демонстративно появился ко всеобщему удивлению на второй Международной парламентской ассамблее в поддержку Чили в Сантьяго 5 сентября 1987 г., в которой участвовали 100 депутатов и сенаторов из 25 стран и почти столько же их коллег из разогнанного Пиночетом чилийского конгресса. 22 сентября 1988 г. Лучо выступил в Вальпараисо на массовом митинге портовых рабочих и трудящихся торгового флота в память о четырех расстрелянных руководителях портовиков в порту Сан-Антонио после переворота 1973 г. На митинге появились около 50 полицейских с автоматами и пистолетами с намерением задержать Лучо, но люди не дали его арестовать. Этой стычкой с полицией руководил активист соцпартии Луис Мансилья. Его, спустя несколько лет, уже при демократическом правительстве, назначили региональным секретарем министерства труда по региону Вальпараисо. После этой акции Гуаставино ушел в подполье. Он неустанно и настойчиво агитировал за «НЕТ» на плебисците 1988 г. При этом с упорством продолжал отстаивать, как делал внутри компартии, целесообразность политического пути с целью покончить с диктатурой Пиночета и необходимость учитывать соотношение сил.

В этот период начинается процесс прогрессирующего дистанцирования Гуаставино от коммунизма, завершившийся его выходом из компартии и

участием в создании Демократической партии (Partido Democrático, PD), которая затем волилась в Социалистическую партию Чили.

В декабре 1990 г. Гуаставино назначают исполнительным директором Центра исследований социальной действительности. В 1992 г. он организует Международный семинар «Децентрализация и регионализация: Чили, Испания, Италия и Швеция» при поддержке чилийского МИД.

После моего приезда во главе нашей дипломатической миссии в Чили в августе 1990 г. я дружески общался с Луисом и с его женой в кондоминиуме, где он жил. Узнал от него, как функционирует это товарищество собственников жилья.

В 1994 г. президент Чили назначил Гуаставино своим представителем в Управляющем совете Университета наук по образованию «Плайя Анча» в Вальпараисо. В те годы Луис читает курс лекций и выступает в исследовательских центрах почти 20 регионов страны.

С апреля 2003 по март 2006 г. по назначению президента Рикардо Лагоса Луис занимал пост интенданта (главы исполнительной власти) региона Вальпараисо. Пока он работал на этой должности против него выдвигались обвинения в растрате государственных средств, причем не гнушались вновь говорить о пресловутом чемодане с деньгами. Эти наветы были опровергнуты.

Несмотря на почтенный возраст Гуаставино продолжает активную деятельность и по-прежнему пользуется популярностью. Приходится удивляться его неукротимой энергии. Он пишет новые книги. В 2009 г. издал книгу «Задача номер один Чили: преобразование страны на научной основе» («Tarea número uno de Chile: la transformación magisterial del país»). Был инициатором создания в 2004 г. Латиноамериканской организации органов правления промежуточного уровня (Organización Latinoamericana de Gobiernos Intermedios, OLAGI), президентом которой и стал. В нее входят более 300 губернаторов, интендантов, префектов и территориальных руководителей всего континента. Цель OLAGI — содействовать развитию латиноамериканской интеграции. В планах неутомимого Луиса — добиться создания Всемирной организации регионов в рамках ООН.

Таков он, очень симпатичный мне чилийский друг, хоть и разошедшийся с компартией. Он стал мне еще симпатичней после того, как я пообщался с ним в октябре 2012 г. во время поездки в Чили, оказавшейся 18-й по счету за 50 лет. Гуаставино пригласил нас, моего младшего сына Сергея и меня, поехать прямо из аэропорта в город на берегу Тихого океана Виньядель-Мар (в 120 км от столицы), где он жил, предложив остановиться в его трехэтажном уютном доме. Мы провели там два дня и две ночи среди гостеприимных людей — его жены Норы и дочери Ксимены, врача-педиатра, выпускницы УДН в Москве. (Сын Гонсало, хирург, живущий в Сантьяго, тоже питомец «Лумумбы».) За проведенные вместе два с лишним дня мы много говорили на разные темы, в том числе, естественно, о положении в их стране, и совершили очень занимательную поездку по Винье и по соседнему Вальпараисо. В экскурсии нас сопровождал тоже выпускник УДН Хосе Кампусано, ставший видным предпринимателем, владельцем фешенебельной гостиницы «Centenario».

Хосе провез нас по холмам, на которых амфитеатром над океаном расположен город. Показал холм Поланко, где в скальном грунте пробит 75-метровый

туннель, ведущий к лифту, который поднимается на 150-метровую высоту с остановками на трех «этажах», где находятся жилые дома, откуда люди спускаются в город на работу. Сверху открывается совершенно ошеломляющий вид на постройки внизу. Потом Хосе препроводил нас в дом-музей Пабло Неруды «Себастьяна», названный так в память о спроектировавшем его испанском архитекторе Себастьяне Кольядо, на холме Флорида. Пятиэтажный музей наполнен разными диковинами и предметами искусства, собранными поэтом.

В самой Винье нас пригласила к себе вдова моего друга по работе в загранбюро РССЧ Херардо Вайснера (там он звался «Раулем») Эвелин («Валерия») Кротошинер, получившая наследство и купившая квартиру в приморском городе на проспекте Перу, 444, на 11-м этаже, откуда открывается изумительный вид на океан. У Эвелин и Херардо выросли два сына — Роберто и Альваро. Оба с детского сада и школы — в Москве, прекрасно владеют русским. Роберто сейчас известный ветеринарный врач, работает недалеко от Сантьяго, а Альваро занимается реставрацией уникальных автомобилей и живописью (художник-абстракционист). У Роберто непростая история: по возвращении в Чили на исходе пиночетовского режима он оказался вовлеченным в авантюристические вооруженные акции, за что ему грозила судебная ответственность. Он скрывался в соседней стране. Эвелин, по-моему в 1995 г., передала мне письмо, которое я храню, с просьбой помочь, как я понял, в изготовлении для него документов. Она писала, что суть просьбы изложит собиравшийся в Москву упомянутый Хосе Кампусано. Но Кампусано на меня не вышел. Да и возможности помочь в этом деле тогда у меня уже не было. К счастью, потом ситуация изменилась, и Роберто обрел легальный статус.

На второй день я предложил Гуаставино зачитать очерк из настоящих воспоминаний о наших с ним отношениях. Он внимательно слушал и одобрил текст. Стал рассказывать об упоминающихся расхождениях с позицией руководства РССЧ по борьбе за устранение режима Пиночета. Вспоминал о беседах с членами загранбюро в Москве Луисом Корваланом, Володей Тейтельбоймом, Гладис Марин, Мануэлем Кантеро и Хорхе Инсунсой, продолжавшихся часа три по вторникам и пятницам, и добавил, что потом, в 1989 г., сказал Гладис, имея в виду ее потворство вооруженным акциям Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса: «Твои руки в крови...».

Прощаясь, Луис подарил мне две своих книги. Одну я уже упоминал — «Люди, запавшие в душу» с дарственной надписью: «Игорю, со всем расположением, за долгие годы дружбы и совместной борьбы. 12 октября 2012 г.», а другую — «Объекты достояния человечества в Латинской Америке».

Несмотря на почтенный возраст Луис продолжает ездить то в Аргентину, то в Перу, Эквадор или Колумбию, чтобы содействовать их интеграции и солидарности. Так держать, Лучо!

Далее буду вспоминать о моих чилийских друзьях из других демократических партий (раньше говорили «левых»). Начну с выдающегося политического деятеля второй половины прошлого и начала нынешнего века **Клоди́ро Альмейды**, лидера PSCh.

Обложка книги Клодомиро Альмейды

радости, встретил меня и прибывших со мной сотрудников нашего вновь открывавшегося посольства 13 августа 1990 г. на аэродроме в Сантьяго. Вскоре Альмейда пригласил меня к себе домой, устроив дружеский прием по-чилийски. Почему-то мне запомнилось, как, разыскивая его дом, мы с женой наткнулись на располагавшуюся напротив автолавку, в которой торговал продуктами знакомый мне по Москве Эулохио Суарес, работавший в нашей столице помощником Корвалана.

В следующем году, когда я находился в отпуске в Москве, Альмейда уже принимал меня как посол Чили в нашей стране в гостинице «Октябрьская» (потом «Президент-отель») на Якиманке, так как возникли трудности с помещением для посольства. А еще позднее мы встречались (в выделенном наконец чилийцам здании посольства на улице Юности, на окраине Москвы у Кусковского лесопарка) вскоре после дипломатического инцидента, вызванного следующим обстоятельством: жена Альмейды Ирма Касерес 11 декабря 1991 г. в отсутствие самого Альмейды, который вылетел в Чили, предоставила убежище в посольстве бывшему главе ГДР Э.Хонеккеру и его жене Маргот в знак признательности за неоценимую помощь чилийским изгнанникам, в их числе самому Альмейде, принятым в ГДР. Собственно из-за этого поступка Альмейда перестал быть послом в России и вернулся в Чили. Здесь мы продолжили наше общение. Я с удовольствием встречался с этим опытным политиком и политологом, расспрашивал его о ситуации в чилийских политических кругах и внимательно выслушивал квалифицированные ответы собеседника. Не раз он приглашал меня в престижный ресторан «Parrón» на проспекте Провиденсия в центре Сантьяго. В то время там служил официантом работавший у Альмейды в посольстве в Москве повар, который привечал нас и подавал отлично приготовленное жареное мясо, пока мы вели разговор.

Напрягая память сейчас, склоняюсь к тому, что познакомился с ним во время поездки делегации КПСС во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Ш.Р.Рашидовым на 23-й съезд соцпартии Чили в Ла-Серене в январе 1971 г. Будучи министром иностранных дел, он принял нас в МИДе, который располагался тогда за президентским дворцом Ла Монеда.

Потом мы общались на переговорах президента Альенде с нашей делегацией в Москве и в Киеве в декабре 1972 г. Наши встречи возобновились после вынужденного, более чем 10-летнего, перерыва, когда Клодомиро, приезжая из ГДР в Москву, посещал с женой Ирмой офис фирмы «Чили Консалтинг», где я тогда работал, в отеле «Орленок» на улице Косыгина. Затем он, к моей

У Клодомиро был своеобразный склад ума. По-профессорски рассеянный, он сосредотачивался на том, что его интересовало, не особенно обращая внимание на остальное. Зачем запоминать что-то, что тебе не понадобится? Однажды в Сантьяго я попросил его рассказать о расположении комнат на этаже президентского дворца Ла Монеда. Тогда я попытался реконструировать обстоятельства гибели Альенде и писал статью об этом, потом, 26 июня 1998 г., опубликованную в «Правде» по случаю его 90-летия. Клодомиро ответил мне, что он не помнит.

По завершении моей дипломатической работы в Чили в 1993 г. мне не довелось больше увидеться с Клодомиро...

Альмейда родился 11 февраля 1923 г. в Сантьяго, в 1948 г. закончил правовой факультет Чилийского университета. Его дипломная работа была посвящена марксистской теории государства. Затем он стал преподавателем политической теории в своей «alma mater», главным образом на факультете социологии. В 1941 г. вступил в PSCh. Потом участвовал в деятельности Народно-социалистической партии, возникшей в 1948 г. вследствие раскола в рядах социалистов. С приходом на пост президента Чили в 1952 г. Ибаньеса Альмейда занимал в его правительстве, далеко не отличавшемся демократичностью и прибегавшем к репрессиям против оппозиции, пост министра труда, поспособствовав созданию в 1953 г. Единого профсоюзного центра трудящихся, и министра горнодобывающей промышленности. С восстановлением единства PSCh в 1957 г. он возвращается в ее ряды, и его избирают депутатом парламента от PSCh на период 1961—1965 гг.

После победы Альенде на президентских выборах 1970 г. Клодомиро назначают министром иностранных дел. Когда произошел переворот 1973 г., он работал на этой должности. 11 сентября Альмейда явился в Ла Монеду и был рядом с Альенде пока не начались обстрел и бомбардировка дворца. Тогда он укрылся в подвале МИД, находившегося, как я уже упоминал, в том же здании. Там его обнаружили мятежники и препроводили в столичное военное училище, ставшее штаб-квартирой хунты. Затем, 15 сентября, самолетом до Пунта-Аренаса на крайнем юге Чили, а дальше морем на холодный и заснеженный остров Досон в Магеллановом проливе, где был устроен концлагерь в расположении инженерной роты морской пехоты. Клодомиро разместили вместе с другими арестованными в бараках, окруженных колючей проволокой, с двухэтажными нарами.

С первых дней пребывания на Досоне заключенных направляли на изнурительные принудительные работы. Альмейда не уклонялся от участия в них. Не привыкший к ручному труду, он машинально выполнял задания, рыл ямы, орудовал, хотя и неуклюже, лопатой и ломом, таскал столбы. И делал это с какой-то отрешенностью от окружающей гнетущей обстановки. В начале 1974 г. его отправили с Досона в Сантьяго в располагавшийся в нескольких кварталах от Ла Монеды артиллерийский полк «Такна», прославившийся своим участием в антиправительственном мятеже в 1969 г. Там его держали в одиночке, не разрешали читать, не допускали родственников. Правда, благодаря усилиям жены Ирмы, стучавшейся во все двери, режим потом смягчили, но вскоре вообще куда-то перевели. Неустанно искавшая мужа Ирма узнала, что Клодомиро теперь находился в академии ВВС также в Сантьяго, где его подвергали грубому обращению, по несколько дней держали с завязанными глазами, отбирали личные вещи. Его

продержали там около месяца, а затем вернули в полк «Такна», в расположении которого Клодомиро содержался до июня 1974 г., когда, наконец, он оказался в концлагере «Ритокке» близ Вальпараисо. Оттуда его отправили в изгнание: сначала три месяца он жил в Румынии, потом год и три месяца — в Мексике, где работал университетским преподавателем, а затем до конца изгнания — в ГДР.

В Берлине Альмейду приняли с почетом как одного из лидеров чилийской политической оппозиции, оказавшейся в вынужденной эмиграции. Но положение осложнялось тем, что там же находился Генеральный секретарь PSCh Карлос Альтамирано, после переворота нелегально вывезенный из Чили при помощи спецслужб ГДР. Их соперничество продолжалось несколько лет вплоть до состоявшегося в Москве 3 мая 1978 г. пленума ЦК PSCh, избравшего Альмейду генеральным секретарем вместо Альтамирано.

Клодомиро придерживался твердого курса на сотрудничество с компартией. В феврале 1980 г. в Москве состоялись переговоры возглавлявшейся им делегации PSCh с делегацией PCCh во главе с Корваланом. Вместе с Альмейдой PSCh представляли прибывшие из Чили товарищи-социалисты «Виктор» и «Элиас». Со стороны PCCh вместе с Корваланом во встрече участвовали Мильяс, Инсунса и Гладис Марин. «Виктору» и «Элиасу» поручили откровенно изложить позицию PSCh, которая в первых рядах вела борьбу против диктатуры Пиночета. Альмейда представил их как руководителей, действовавших в самом глубоком подполье. Выступивший затем «Виктор» говорил, что выдвигаемая ими идея создания «Блока за социализм» не означала, что Народное единство изжило себя. Нужно его обновление, его следует превратить в ядро «Блока за социализм». А тем временем PCCh допускает ошибку, ища союза с PDC.

Встреча все же способствовала устранению сомнений и недоразумений, копившихся среди руководителей социалистов внутри Чили, и одобрению решений с целью усиления борьбы и единства народа в противостоянии режиму Пиночета.

Спустя три недели Корвалан в Берлине встретился с Альмейдой, чтобы узнать о его впечатлении о переговорах партий в Москве, и заметил, что некоторые высказывания товарищей-социалистов обескуражили делегацию PCCh. Альмейда ограничился словами: «Ты должен понять. Эти руководители — новички в политике».

Как вспоминал Корвалан, в начале 1985 г. его жена Лили вылетала из Москвы в Буэнос-Айрес и встретила в аэропорту Альмейду, направлявшегося тем же самолетом в Аргентину. Они сели рядом в самолете. И, как только взлетели, Клодомиро спросил: «Как чувствует себя Лучо?». Услышав ответ: «Хорошо, продолжает писать свою книгу», Клодомиро наклонился к Лили и с лукавством сказал: «Я очень хорошо знаю, какую книгу он пишет». Корвалан уже с августа 1983 г. находился на нелегальном положении в Чили.

Сам же Альмейда тоже пошел на отважный шаг и в марте 1987 г., тайно переправившись через хребет Анд на муле, проник в Чили и публично предстал перед удивленными пиночетовскими чиновниками. За это он был арестован на основании действовавшей тогда конституции, запрещавшей деятельность политических партий и физических лиц, проповедующих доктрину, «основанную на классовой борьбе», и провел почти год в тюрь-

ме, а потом был сослан в провинцию Айсен в 1300 км к югу от Сантьяго. Лишь после возвращения страны к демократическому режиму в 1990 г. Клодомиро был восстановлен в своих гражданских правах.

24 октября 1988 г., через 19 дней после проигранного Пиночетом плебисцита, Корвалан посетил Альмейду у него дома в Сантьяго. Прошло пять лет, как они не виделись. После сердечных рукопожатий Корвалан похвалил написанную Альмейдой в ссылке автобиографическую книгу «Думая о Чили». Клодомиро рассказал, что Лили посетила его, когда тот находился в тюрьме. Проговорили больше трех часов, обсудили сложившуюся в стране политическую ситуацию.

По воспоминаниям Корвалана, Альмейда полагал, что политический центр представлял собой преобладающую силу, и избирательные проблемы выходили на первый план. Он отмечал, что в соцпартии все высказывались за единого кандидата от оппозиции, хотя шесть месяцев назад существовало убеждение относительно выдвижения собственного кандидата от левых сил. Но результаты плебисцита породили триумфальные настроения и мнение, что единство оппозиции имеет ключевое значение для победы.

Корвалан в этой связи сказал, что, по-видимому, между обеими партиями возникли очень большие расхождения. На это Альмейда отреагировал суждением, что вот уже пять лет корень этих расхождений — в ошибочном толковании коммунистами реальной ситуации, хотя эти расхождения касаются лишь тактики, поскольку стратегические цели продолжают совпадать. Его собеседник возразил, что провозглашение кандидата в президенты от PDC происходит без учета мнения PSCh, и имеется намерение изолировать компартию, причем социалисты становятся участниками этой политики. Корвалан упомянул, что в интервью, отвечая на вопрос, может ли быть кандидатом Эйлвин, Альмейда сказал, что он не за то, чтобы смотреть назад, и не исключил возможности поддержать его кандидатуру. Правда, лидер коммунистов при этом оговорился, что не согласен с утверждением Мильяса, что Эйлвин ответственен за падение Альенде, хотя у него нет сомнения, что тот способствовал перевороту как тогдашний председатель палаты депутатов. Далее Корвалан высказал мысль, что левые силы могут получить первое относительное большинство, а если не получат его, то во втором туре должны будут поддержать кандидата центриста — это было бы справедливо и понято народом. Альмейда в ответ на это пытался убеждать, что PSCh не стоит на позиции, которую ей приписывают коммунисты, что она направила письмо PDC, подчеркивая, что выступает за единого кандидата, но он может быть не от PDC, а предпочтительнее, чтобы был независимым. Тогда собеседник все же повторил: по-видимому, социалисты отдадут приоритет соглашению с PDC, утверждая, что корень разногласий с PSCh — в тактической области и в том, что PSCh считает ошибочным толкование компартией ситуации в стране. Исходя из этих расхождений, реальных или мнимых, заключал Корвалан, PSCh предпочла союз с PDC, и высказал непонимание такой позиции, так как не видел, чтобы тактические расхождения с коммунистами были большими, чем расхождения с PDC. И Корвалан делал вывод: по-видимому, вы ориентируетесь на отделение от нас.

Альмейда в конце беседы попытался сгладить возникшую полемику, сказав: «Ты сгущаешь краски в своей оценке состояния отношений между

нашими партиями»⁶. Завершив изложение состоявшейся беседы с Альмейдой, Корвалан в своих воспоминаниях констатирует: к сожалению, дело продолжало идти в обозначенном направлении, т.е. к отдалению PSCh и PCCh друг от друга.

На исходе правления Пиночета и в первые годы так называемого *перехода к демократии* Альмейда возглавил левую фракцию чилийских социалистов, противостоявшую называвшему себя *обновленческим* крылу соцпартии, во главе которого был Рикардо Нуньес. Причем Клодомиро попробовал установить контакты с коммунистами и с силами на более левом фланге путем формирования так называемых Объединенных левых или Широкой левой социалистической партии. Обе попытки завершились неудачей.

В 1991—1992 гг., как уже упоминалось, Клодомиро был послом Чили в России. А по возвращении на родину работал над воспоминаниями и преподавал в родном Чилийском университете, был деканом факультета социологии. Он скончался 25 августа 1997 г. в возрасте 71 года.

После ухода из жизни Клодомиро в Сантьяго был создан фонд его имени как площадка для изучения интеллектуального и теоретического наследия этого выдающегося политика, анализа и обсуждения тем, волнующих чилийское общество. Фонд стал признанным учреждением, проводящим форумы по актуальным национальным и международным проблемам, поощряющим соответствующие исследования, организующим летние школы и встречи ученых и специалистов, культурные мероприятия и публикацию представляющих интерес материалов. Руководит фондом его исполнительный директор, вдова Клодомиро Ирма де Альмейда.

А теперь поведаю о своих дружеских отношениях еще с одним социалистом — **Грегорио Наваррете**.

Он родился в 1951 г. в местечке Карагуэ провинции Каутин, в 400 километрах к югу от Сантьяго в семье начальника местной железнодорожной станции и акушерки, у которых было пятеро детей. Двое из них, Карлос и Тито, стали впоследствии видными чинами корпуса карабинеров — военной полиции. Старший брат Хосе умер в середине 80-х годов, Карлос из-за несчастного случая с мотоциклом у себя дома в Сантьяго стал в 2011 г. инвалидом. Тито — на пенсии, но страдает запоями. Жива сестра Соня. Грегорио, младший в семье, будучи студентом правового факультета Католического университета Сантьяго, в 70-х годах прошлого века, когда в Чили пришло к власти правительство Альенде, занялся политической деятельностью в поддержку этого правительства, вступил в соцпартию, стал генеральным секретарем Союза социалистической молодежи, членом ЦК PSCh. В январе 1976 г. (через три года после переворотв) его арестовали и держали в заключении, сначала на окраине Сантьяго в «Вилья Гримальди» — центре содержания арестованных тайной полицией Пиночета, через который прошли около 5 тыс. жертв режима, затем в течение четырех месяцев, до 20 мая 1976 г., — в комплексе из 12 малых камер и одной большой — «Cuatro Alamos» («Четыре тополя») в Сантьяго, а затем в расположенном по соседству концлагере «Tres Alamos» («Три тополя»), где содержались другие противники Пиночета (среди них и Корвалан), и откуда его освобо-

дили, как я понимаю, не без содействия братьев-карабинеров, и выслали из страны 30 ноября 1976 г. Изгнанника-чилийца приютили в ГДР.

У Грегорио росла дочь от первого брака Марсела. Она вышла замуж за американца, жила в США, сейчас в Сантьяго. У нее две дочери.

Я познакомился с Грегорио в начале мая 1978 г. в гостинице ЦК КПСС в Плотниковом переулке, когда он прибыл в Москву на пленум ЦК PSCh Чили, на котором 3 мая было принято решение о замене Генерального секретаря PSCh Карлоса Альтамирано, нелегально вывезенного гэдэровцами из Чили после переворота, на Клодомиро Альмейду.

Грегорио вернулся в Чили в марте 1983 г. к первому Дню национального протеста. Тогда же его гражданской женой стала знакомая по студенческим временам симпатичная Гладис Куэвас, с которой они с июня 1986 г. обосновались в Испании, где Гладис окончила медицинский факультет и получили диплом врача. Грегорио занялся с испанскими компаньонами торговыми делами, в том числе сделками с советскими торговыми объединениями. Плодом такой деятельности стало представительство испанских фирм в Москве, в частности, открытие офиса в гостинице «Орленок» на Ленинских горах близ Дворца пионеров.

В декабре 1989 г. Грегорио и Гладис вернулись из Испании в Чили. Грегорио развернул активную деятельность по восстановлению отношений с Советским Союзом. Ему было поручено принимать делегацию СССР во главе с советником Президента СССР Вадимом Загладиным, прибывшую на вступление в должность Патрисио Эйльвина и подписавшую протокол о восстановлении дипломатических отношений. Как уже упоминалось, Грегорио всячески способствовал обустройству нашего посольства. В ноябре 1989 г. он создал фирму «Чили Консалтинг», сыгравшую заметную роль в дальнейшем развитии торгово-экономических отношений между нашими странами. В офисе этой фирмы на Рублевском шоссе, дом 26, он предложил мне работать после моего возвращения из Чили в 1993 г.

Гладис во всем помогала Грегорио. В августе 1990 г. у них почти в те же дни, что у нашего сына Сережи в Москве, родилась дочь Даниэла, теперь уже студентка. Что касается Гладис, то оказалось, что ее дядя, генерал Лугар Фигероа, стал в 1991—1992 гг. заместителем командующего чилийской армией, тогда заместителем Пиночета, позднее смещенного с этого поста.

Грегорио очень часто приезжает в нашу страну, мы по-дружески неизменно встречались и встречаемся с ним. Плодотворным этапом в наших отношениях явилось сотрудничество в осуществлении операции по обмену российской не-

И.Рыбалкин (слева) и Г.Наваррете в Сантьяго, октябрь 2012 г.

движимости в Сантьяго на строительство зданий нашего посольства, к которой он привлек меня в 2000—2001 гг. (пять поездок в Чили).

В 2005 г. Грегорио замечательно организовал мой с Сашей Григорьевым и его женой Леной частный визит в Чили. Ему же я признателен за внушительную материальную поддержку по оплате моей медицинской страховки, а позднее операции на глазах в 2009 г.

В 2008 г. Грегорио разошелся с Гладис, отдав предпочтение перуанке Нелли, сиделке, на руках которой умер его отец. С ней он несколько раз приезжал в Москву. Предпоследний раз это было летом 2009 г., когда мы с подачи моего покойного брата Валерия вместе ездили в Дубну для установления возможного сотрудничества чилийцев с Объединенным институтом ядерных исследований. В 2010 г. Грегорио снова прилетел в Москву, на этот раз, к моему удивлению и радости, с Гладис. Они ездили в Китай, рассказывали много удивительного о развитии этой державы, о древнекитайских методах лечения. Но это не означало, что их совместная жизнь восстановилась. В следующем, 2011 г., Грегорио опять приехал с Нелли, и мы по традиции вместе сходили в существовавший еще тогда рядом с моим домом «Темпл-Бар».

Через год я не раз общался с Грегорио в дни моей поездки в Чили. И надо сказать, что он не обделял меня своим вниманием. Поездка оказалась успешной и памятной во многом благодаря ему и связанным с ним людям. Это была целая череда встреч. 15 октября, на второй день после возвращения из Виньи, меня посетил Грегорио и повез в памятный для нас с женой Галкой ресторан «Danubio Azul («Голубой Дунай»), вовсе не европейский, а китайский. Расположен он недалеко от дома, где мы с ней жили в 1990—1993 гг., сразу за муниципалитетом Лас-Кондес. Грегорио рассказал мне о пережитой им болезни, из-за которой чуть не «отдал концы». Ему назначили прием сильных антибиотиков, что оказалось несовместимо с его лекарствами от диабета. К тому же он перепутал лекарства, чем осложнил ситуацию. Его выходила Гладис. А 19 октября он пригласил меня в знаменитый ресторан «La Píojea» (это название можно перевести как «Нищета», «Отбросы», «Вшивость») на улице Айльявила, напротив центрального рынка. Это самый большой ресторан в Сантьяго, существующий с начала прошлого века. Он славится тем, что в нем подают напиток «terremoto» («землетрясение») из молодого вина с мороженым и кофе. Там всегда много туристов.

На следующий день нас пригласила на свой день рождения вдова умершего брата Грегорио, мать Хосе Луиса и Каролы, которых я давно знал. Тон задавали Грегорио, запустивший «караоке», и отплясывавшая Гладис. Но до этого в тот же день Грегорио с симпатичным и услужливым сотрудником его офиса, что-то вроде бухгалтера, Карлосом Навиа за рулем повез нас с Сережей по желанию последнего в винодельческое хозяйство Верамонте в 66 км от Сантьяго по пути в Вальпараисо. Оттуда мы направились в Куракави в сторону Сантьяго и забрались в горы, на участок, где Грегорио договорился строить сборный дом из тех, что закупаются в России. Далее путь пролегал до ресторана «Doña Celina» в 35 км от столицы.

21 октября из-за неумолимости Грегорио и поддерживавшей его Гладис тоже был хлопотным. Сначала посетили Карлоса, брата Грегорио, полупарализованного из-за несчастного случая с мотоциклом. Вопреки всему он ведет активный образ жизни. Сидит за компьютером, принимает процеду-

ры, рекомендованные каким-то испанским врачом, и верит в их успех, хотя Грегори сомневается в этом. В доме у Карлоса обитает замечательный лохматый пес Умо («Дым»). На обратном пути мы заехали к дому 3000 на улице Наполеон, где мы с Галкой жили, пока я работал в посольстве. Там встретились с Монсеррат Тоа, жительницей этого дома, дочерью бывшего министра энергетики в правительстве Эйльвина. И, наконец, подъехали к дому, в котором живет сын Гладис Хавьер, встретивший нас с женой и сынишкой двух лет.

На этом внимание и забота Грегорио не иссякли. В день отлета по пути в аэропорт Грегорио завез нас в ресторан «Ойо» на улице Сан-Висенте, 325. Я шутил: «Гойо (уменьшительное от Грегорио) привез в «Ойо». Вот такая история.

Наконец расскажу еще об одном дорогом и очень симпатичном мне чилийском друге, тоже некоммунисте. Это — **Энрике Корреа**.

По-настоящему я познакомился с Энрике после того, как он прибыл как политический иммигрант в Москву из Гаваны в июле 1974 г. Ему была предоставлена меблированная квартира в доме на Просторной улице, где также проживали вынужденные чилийские изгнанники. Тогда мне довелось общаться с Корреа, но у нас не было обстоятельных бесед, и я только знал, что он представлял входившую при Альенде в Народное единство партию Рабоче-крестьянское MAPU (MAPU Obrero Campesino, МОС). Из того времени помню только, что вначале его делами занимался мой коллега по Международному отделу ЦК КПСС Дмитрий Пастухов. А когда Энрике обосновался в Москве, как он сам мне напомнил, я содействовал его знакомству и контактам с деятелями из руководства нашей партии — заведующим Международным отделом Б.Н.Пономаревым, членом Политбюро и Секретарем ЦК М.А.Сусловым и двум встречам с Л.И.Брежневым. В Москве Энрике постоянно выступал вместе с Хосе Мигелем Варасом, Эдуардо Лабаркой и Леонардо Касересом в программе передач «Слушай, Чили» нашего иновещания. Памятным для меня стал прием в Кремлевском дворце съездов 8 мая 1975 г. по случаю 30-й годовщины победы над фашистской Германией. Мне поручили тогда опекать латиноамериканцев, среди них — генсека уругвайской компартии Роднея Арисменди и Корреа. После приема они в сопровождении ответственного секретаря Советского комитета солидарности с чилийскими демократами незабвенным Энри Пилиа по приглашению Энрике отправились к нему домой, чтобы отметить праздник.

Я лучше узнал Энрике только тогда, когда работал в нашей дипломатической миссии в Чили. Правда, перед этим, в январе 1990 г., у меня состоялась важная встреча с ним, когда я прилетал в Сантьяго по случаю впервые отмечавшейся легально после диктатуры годовщины (68-й) создания РССЧ. Энрике принял меня на улице Альмиранте Симпсон у парка Бустаманте в центре столицы, недалеко от небоскребов Торрес де Тахамар, в офисе, где готовили программу П.Эйльвина, избранного президентом. Мы беседовали о предстоявшей поездке советской делегации на его инаугурацию. Корреа договорился о моем приеме Энрике Крауссом, будущим министром внут-

И.Рыбалкин в доме у Э.Корреа в поселке Эль-Киско (близ Вальпараисо), 1992 г.

ся Вадимом Загладиным, советником президента СССР.

Корреа стал одним из первых государственных деятелей новой Чили, которых я посетил как временный поверенный в делах СССР. Энрике сердечно принял меня в качестве министра-генерального секретаря правительства президента Эйльвина на втором этаже дворца Ла Монеда. После этого я неоднократно бывал у него, обращаясь с просьбами, например, об ускорении церемонии вручения верительных грамот прибывшим в декабре 1990 г. послом Ю.И.Павловым. Пожалуй, первой моей личной просьбой к Энрике было провести меня по президентскому дворцу, особенно той части, где работал и погиб Сальвадор Альенде.

Дело в том, что я еще в Москве начал писать статью «Решающий день Альенде и Пиночета» и хотел реконструировать картину его гибели. Энрике согласился проводить меня по дворцу, привел в комнату, где застрелился президент. Мы постояли у мемориальной доски, а потом спустились в бункер с выездом на площадь Конституции перед дворцом, построенный для Пиночета на случай побега. Несколько раз Энрике, к удивлению дежуривших консьержей, бывал у меня дома. Он уже стал известной фигурой, часто выступал с правительственными заявлениями по телевидению, как говорится, был на виду.

Очень памятной для меня была встреча с Корреа 8 февраля 1992 г., когда он пригласил меня в гости к себе домой в курортном поселке Эль-Киско у берега Тихого океана в 40 км к югу от Вальпараисо. Он сердечно принял меня и водителя Вячеслава Щербакова, угостил типично чилийскими яствами и напитками. Мы обстоятельно побеседовали об обстановке в Чили и даже дали на открытой веранде его дома интервью корреспонденту газеты «La Segunda». А в конце года мы вместе с Энрике провожали в аэропорту Сантьяго посетившего Чили М.С.Горбачева после его заезда в Буэнос-Айрес. Прибывший в Сантьяго наш новый посол В.П.Громов послал меня проводить бывшего президента СССР. Думаю, сам не решился оказать ему внимание, опасаясь недовольства московского начальства. Поэтому мы с Корреа оказались вместе с ожидавшей мужа Раисой Максимовой. Энрике беседовал с ней, вспоминал о Москве.

ренных дел, в штабе Эйльвина на пересечении проспекта Аламеда с улицей Ластариа, тогда называвшемся «домом НЕТ» в память о лозунге оппозиции на плебисците о продлении правления генерала. Мы обсудили, как избежать представления делегации покидающему свой пост Пиночету. Намеченный план был осуществлен в марте (спустя два месяца) делегацией, возглавлявшей-

Перед отъездом из Чили в начале 1993 г. я обратился к Энрике с просьбой помочь в перевозке в Москву собранного мною архива по чилийским делам. Энрике безоговорочно выделил необходимую сумму из своих фондов. Через несколько лет я снова встречался с Энрике во время моих пяти поездок в Чили по делам обмена нашей собственности в Сантьяго на строительство нового здания для посольства. Энрике посещал меня в гостинице уже как руководитель престижной консультационной фирмы. Затем наша встреча с ним состоялась 30 сентября 2005 г., когда Корреа принял нас с моим другом Сашей Григорьевым и его женой Леной в своем импозантном офисе на 24-м этаже, из окна которого открывался прекрасный вид на Сантьяго с заснеженными горами на горизонте. После этого мне довелось только читать газетные и журнальные публикации о моем друге, некоторые, сделанные по заказу, с нелестными высказываниями, наверное, из зависти к его исключительно успешной консультационной и лоббистской деятельности.

Энрике Корреа родился 14 ноября 1945 г. в городе Овалье в 320 км к северу от Сантьяго. Его отец, происходивший из просвещенной семьи среднего класса, придерживался правых взглядов, был масоном, вел юридические дела в адвокатской конторе. Он привил сыну вкус к музыке и чтению. Мать же, Лорето Риос, слава Богу, еще жива, была из семьи коммунистов и в молодости, до знакомства с отцом, участвовала в деятельности компартии. Родители не были набожными людьми. Сам Энрике, как признается сейчас, с раннего возраста по собственной воле и не зная, почему, почувствовал тягу к католической церкви. Заканчивая лицей, он поступил на первую работу диктором на местном радио. Энрике зачитывался произведениями Дюма, Шекспира, Достоевского, Толстого, Горького, работал в местном церковном приходе. В 12 лет он вступил в организацию Христанско-демократической молодежи (Juventud Demócrata Cristiana, JDC). Родители хотели, чтобы сын дальше изучал право, но он отправился в Сантьяго, чтобы поступить в епархиальную семинарию.

По семейным обстоятельствам Энрике вернулся в Овалье и там начал выступать по радио в поддержку кандидата в президенты христианского демократа Эдуардо Фрея, победившего потом на выборах 1964 г. Стремясь понять происходившие в мире процессы, Энрике читал французского философа Маритена с его критикой капитализма с позиций христианской демократии и англичанина Грэма Грина, разоблачавшего империалистическую политику США и диктаторский режим на Гаити. В 1965 г. Энрике снова уехал в Сантьяго и поступил на философский факультет Католического университета, испытывавшего в то время потрясения от решений 2-го Ватиканского собора об «обновлении» католической церкви. По вечерам посещал семинарию для участия в дискуссиях по теологическим и земным проблемам и начал интересоваться Марксом и другими мыслителями-социалистами.

В JDC возникает течение «мятежников», возглавляемое Энрике Корреа и Хуаном Энрике Вегой, которое выступало с критикой реформистского курса правительства Фрея и провозглашало себя сторонником «некапиталистического развития». В 1967 г. на Национальном совете JDC «мятежники» берут верх, и Корреа избирают председателем JDC. В марте 1969 г. JDC участвует в захвате крестьянами земель вблизи города Пуэрто-Монт

на крайнем юге Чили, обернувшись насильственным вытеснением «захватчиков» полицией, в результате чего погибли 8 поселенцев, а более 50 были ранены. За это Энрике предстал перед дисциплинарным трибуналом и был снят с поста председателя JDC.

В мае 1969 г., спустя неделю после выдвижения PDC своего кандидата на президентских выборах 1970 г., собирается Национальная координационная комиссия MAPU и в своем политическом решении констатирует провал реформистской политики Фрея и объявляет о намерении бороться за власть. Через три месяца MAPU вступает в Народное единство. Корреа высказывается в поддержку Сальвадора Альенде как кандидата коалиции в президенты.

В октябре 1970 г. на I съезде MAPU Энрике избирают заместителем генерального секретаря партии (генеральным секретарем стал Родриго Амбросио из первого выпуска философского факультета Католического университета). Чтобы зарабатывать на жизнь, он сочетает политическую работу с ведением занятий по марксизму в Государственном техническом университете. В 1971 г., после назначения политического советника министра иностранных дел в правительстве Альенде Клодомиро Альмейды послом на Кубе, Корреа занимает его пост.

При правительстве Народного единства MAPU объявляет себя марксистской, хотя и не отказывается от приверженности католицизму. Энрике подумывает о вступлении вместе с Хайме Эстевесом в компартию.

В марте 1973 г. из-за внутренних разногласий MAPU делится на две фракции, которые борются между собой, исключают друг друга. Одна фракция поддерживает левацкое Левое революционное движение (Movimiento de la Izquierda Revolucionaria, MIR) и сближается с позицией генсека PSCh Альтамирано, а другая, именовавшая себя МОС, в руководство которой входит Энрике, поддерживает Альенде и солидаризируется с позицией течения в PSCh, возглавляемого Альмейдой.

После переворота Корреа скрывается в подполье, а в середине декабря 1973 г. его однокашник по Католическому университету Карлос Порталес помог ему получить убежище в посольстве Перу, что позволило в конце года выехать в Лиму. Оттуда Энрике, спустя месяц, вылетел в Гавану, а в марте-апреле отправился в поездку по Европе (Прага, Берлин, Париж и Рим) для установления контактов солидарности с антипиночетовскими силами. В мае он вернулся в Гавану и в июле 1974 г. прибыл в Москву.

Около двух лет Энрике жил в нашей стране, занимаясь, в частности, сбором средств на сопротивление диктаторскому режиму, причем не на организацию вооруженной борьбы с ним, так как неизменно выступал против этого.

А в 1975 г., как вспоминает Энрике, он принимает решение о тайном проникновении в Чили. Ему была оказана (при моем участии) помощь в изменении внешности (значительно сбавляет вес, меняет прическу, очки — на линзы для смены цвета глаз, сбривает бороду) и изготовлении необходимых документов. Операция по возвращению политического изгнанника на родину прошла успешно благодаря усилиям команды наших специалистов во главе с незабываемым «кудесником» в этих делах Иваном Колюкой, моим близким другом по Международному отделу ЦК КПСС, скон-

чавшемуся в мае 1985 г. В октябре 1975 г. Энрике самолетом из Лимы прибыл в Чили и, находясь в Сантьяго, действовал в подполье до 1977 г.

В 1977 г. Энрике возвращается в Европу и при содействии Клодомиро Альмейды его принимают в ГДР как представителя МОК за рубежом. В 1980—1981 гг. он живет в Риме и испытывает влияние еврокоммунизма, выразителем которого был лидер итальянской компартии Энрико Берлингуэр. К этому добавляется воздействие оппозиционного коммунистам польского движения «Солидарность». Энрике неоднократно выезжал в Варшаву, демонстрируя сочувствие акциям «Солидарности». А в Берлине выражал члену Политбюро ЦК СЕПГ Герману Аксену осуждение советского вторжения в Афганистан. По воспоминаниям самого Энрике, мы обсуждали с ним «бунт польских профсоюзов» на нашей спецквартире на Кутузовском проспекте в Москве. После «польского кризиса» он отделился от КПСС, хотя впоследствии с большой надеждой следил за деятельностью Горбачева.

В 1981 г. Энрике снова нелегально отправляется в Чили и остается там подпольно до 1983 г., когда получает разрешение на возвращение. Он восстанавливает свои прежние связи и устанавливает новые контакты, в частности, в профсоюзном движении, сыгравшем важнейшую роль в массовых Днях национального протеста. Энрике прилагает усилия для установления отношений доверия между левыми силами и PDC, а в 1988 г. становится координатором движения за «НЕТ» на плебисците.

После победы на плебисците Энрике старается добиться выдвижения Патрисио Эйльвина кандидатом «Коалиции партий за демократию» на президентских выборах 1989 г. Находившийся в тот момент в тюрьме генсек соцпартии Альмейда, которого он считал своим «политическим отцом», также поддерживает Эйльвина. Это решило дело в пользу последнего. Избранный президент назначил Корреа министром-генеральным секретарем своего правительства.

Покинув этот пост в 1994 г., Энрике одно время работает директором Latinoamericano факультета социальных наук (Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales, FLACSO) и начинает создавать свою консультационную фирму, сначала «Correa y Correa Consultores», а потом «Imaginación Consultores», ставшую процветающим и влиятельным учреждением, клиентами которого являются крупнейшие чилийские предприятия, фирмы, банки, пенсионные фонды, иностранные фирмы и деятели, среди последних — избранный в 2011 г. президентом Перу Ольянта Умала.

Не могу не высказать глубочайшую признательность Энрике за помощь в составлении этих записок о наших отношениях и его незаурядной деятельности. Он ответил на множество моих вопросов, разъяснил и уточнил сведения о себе, содержащиеся в различных публикациях. Ознакомившись с моими воспоминаниями, одобрил их и даже поздравил с удачей, что приятно.

Когда Энрике узнал о моей готовившейся поездке в Чили осенью 2012 г., он сразу же откликнулся и высказал намерение взять на себя расходы по моему пребыванию и участию в программе визита. Как я и ожидал, его желание помочь не было формальным. Он встретил нас с сыном в аэропорту. И, хотя из-за его занятости не получилось пообщаться в его офисе, постоянно уделял мне внимание и шел навстречу моим просьбам. Энрике подготовил посещение облюбованного мной в предыдущей поездке и покорившего

своей очаровательной природой района вокруг озера Вильярика с одноименным городом и вулканом со снежными лыжными трассами. К сожалению, из-за моего самочувствия на этот раз замысел сорвался. Зато сотрудники офиса Энрике прислали водителя Марсело Галаса, который доставил меня в новый офис его фирмы. А сам Энрике, оправившись от временного недомогания, навестил меня в гостинице, чтобы рассказать о положении в Чили, расспросить о российских делах и попрощаться.

В вынесенных на суд читателей моих записках рассказывается о людях, с которыми меня свели дела, связанные с отношениями между нашими странами, более 50 лет работы, позволившей узнать незаурядных деятелей Чили, внесших ощутимый вклад в развитие своей родины по демократическому пути и в мою собственную судьбу. Бесконечно им за это благодарен.

Выражаю особую признательность Институту продвинутых исследований Университета Сантьяго-де-Чили (IDEA) и Фонду научных и технологических исследований Чили (INDECYT) за то, что они сделали возможной мою поездку в Чили в октябре 2012 г., а также помогли встретиться со здравствующими и упоминаемыми здесь чилийскими друзьями-товарищами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ O. M i l l a s. Memorias 1957—1991. Una disgresión. La Alborada democrática en Chile. Santiago, 1996, p. 115.

² Op. cit., p. 114.

³ Op. cit, p. 115.

⁴ Ibidem.

⁵ educación.pchile.cl/cuadernos/Librpc.pdf

⁶ L. C o r v a l á n. De lo vivido y lo peleado. Memorias. Santiago, 1997, p. 318.

Москва, февраль 2013 г.